

Зори ли? Грядущего ли?

Мы печатаем выше помещенную заметку нашего молодого сотрудника не столько ради возражений, которая можно на нее сделать, сколько ради ее характеристики.

Возразить очень легко. Тем легче, что автор сам путается и противоречит себе. Утверждая сначала, что результат «распадения молодежи на особи» — тот, что «с каждым часом все больше умных и серьезных людей», через несколько слов отмечает, — как результат того же «замыкания в себе», — «странную толпу *молодых стариков*».

Не менее легко показать необоснованность дальнейших утверждений автора. Защищая индивидуализм, «до конца», он и будущее рисует себе не иначе, как в тех же формах: «войдет в жизнь великан мысли, гений...». Но почему «можно с уверенностью сказать; что этот гений будет играть роль личности не подчиняющей, а вдохновляющей»? Напротив, «с уверенностью можно сказать» (и это уже с серьезными историческими и другими основаниями), что подобная «единая личность» будет именно подчиняющей, или даже миропорабощающей, по самому своему принципу единства. Ведь это — старая, даже древняя идея. Идея Мессии, идея Антихриста. Как идея мессианства, она дает пути к разрешению антиномии между понятиями «все» и «один». Дает потому, что человеческую личность «одного» не ограничивает человеческим. Напротив, идея Антихриста замыкает все пути и выходы, углубляет антиномию, подчиняет «всех» людей «одному» человеку. В нашу задачу не входит дальнейшее развитие этих положений, столь известных и бесспорных хотя бы после Достоевского. Возвратимся к характеристике заметки г. Ястребова, оставив ее противоречивость и философскую несостоятельность в стороне.

Прежде всего заметка любопытна своей *обыкновенностью*. Защита индивидуализма, разобщенности, самости до такой степени обыкновенна, так повсеместна и обыденна, что мы должны к этому факту известным образом отнестись. Именно к факту обыденности. Индивидуализм *демократизируется*. Ибсен, Ницше, Достоевский говорили с вершин, откуда они увидели новый горизонт. Их голоса едва долетали до «всех», — слишком они были далеко назад. Но время, история продвинула «всех» к ним, человечество встретилось с ними, настигло их — или их тени, — услышало их голоса — или живое эхо голосов, — потому что ведь неизвестно, что *теперь* говорили бы Ибсен и Достоевский, не ушли ли бы на другие, следующие, вершины?

Но как раз с ними, прежними, тогдашними, толпа сейчас разговаривает, слушает их, понимает, и... еще не дослушала, еще недопоняла. А понять до конца, вобрать в себя, как свое, надо. Прежде чем этого не случится, нет и движения дальше, нельзя даже увидеть, что это — не последняя ступень, а один из этапов.

Кончился ли процесс демократизации индивидуализма? Совершенно определенно следует ответить: нет, не кончился. Дифференциация, распыление, разобщение, — эти внешние признаки, сопровождающие внутреннее искание осознать и утвердить кучный принцип «Личности», — только еще разрастаются, ширятся. Ибсен и Достоевский не *дослушаны*, а потому всеобщее внимание праведно направлено на них, вернее — на ихнее, на вопрос о «Личности».

За большим столом только что подали второе блюдо, скажем мы, если позволено прозаическое сравнение. И было бы бесполезно вырывать тарелки с недоеденными кусками во имя того, что есть третье блюдо. Суп окончен, к нему не вернуться за большим столом. Суп — это тот первичный коллектив, который с таким удовольствием называют гости большого стола «стадностью». Совершенно естественно со стороны прозелитов индивидуализма трусить возврата, чувствовать *всякую* общность, *всякую* возможность соединения людей, как «стадность». Только что открывшие, что есть «вопрос о Личности», писатели из «Северного Гусяра» (не все, а гг. Туфанов, Ковш, Нелли) «утверждают индивидуализм» с тем же страхом или презрением ко всякой общности («стадности»), как стадо других прозелитов.

«Бедные мы, сознательные люди! — писал Флобер, один из вкусивших от второго блюда во времена, когда за большим столом жадно ели суп.— Как далеко человечество от нас, и наше величайшее заблуждение в том, что мы равняем человечество с собой и обращаемся с ним соответственно этому...»

Да, заблуждение; и попытки демократизовать истину, когда еще не окончился процесс демократизации предыдущей, бесплодны, самонадеянны, легко ожесточают и ведут к нетерпимости. Надо «для всех быть всем», но помнить, что «спасешь только *некоторых*», по мудрому слову Павла.

Павлов уже нет, мудрость редка и трудна, а главное — неуследимы времена, неуловимы переходы, и почти нельзя не ошибаться при оценке степени развития того или другого исторического движения. Тут ведь надо еще учитывать, что в какой-то мере движение ускоряется, то есть, попросту говоря, на открытие истины требуется больше времени, чем на усвоение уже открытой. Целые отдельные жизни отдавались на то, что сегодня гимназист выучивает между прочим. Логически,— да и фактически,— опыт предыдущих поколений служит последующим для опоры, как данное. Но в живой жизни это, происходит не так просто и не так ясно, как нам хотелось бы; отсюда и ошибки, и «заблуждения», и нетерпимость.

С особенной горечью отмечаешь, что и молодежь, т.е. последующее поколение, не пользуется сейчас опытом, уже пережитым, не опирается на него, а сама сызнава начинает его проделывать, сливаясь с общей массой в процесс индивидуализации. Русская молодежь девяностых годов была настоящей молодой молодежью. Она мучилась, боролась, осознавала проблему «личности», утверждала, ковала «личность», доходила в борьбе до неизбежных крайностей, с болью отрываясь от «стадности». Сколько слабых погибло на этой переправе, не достигнув другого берега... Все это не в закоулке; слава Богу, даже не в одной России... И вдруг, в пятнадцатом году нового века, «новая» русская молодежь заговорила, как о чем-то новом (не заговорила — залепетала) о «я» и «не-я», о правах личности и грехе стадности, о грядущем гении, о «познании мира путем включения его в свое эго» (это — «новая» мечта г. Ковша из «Гусляра»). И слова какие-то все старенькие-престаренькие, знакомые со времен юности Бальмонта: «солнечно-юная», «творчески-изменчивая, стремительно-дерзкая» мудрость и т.п.

Если не всегда хватает терпения и терпимости наблюдать долгий процесс демократизации какой-нибудь идеи, медленного ее просачивания в широкие круги, то убеждаться, что молодежь наша не пошла вперед, а лишь разжевывает жеваное, особенно огорчительно. Не хочется верить. Да нужно ли верить? Смена поколений — тоже вещь неуследимая. И, пожалуй, наша сегодняшняя молодежь, которую мы считали молодежью,— вовсе и не молодежь, а «так». Так, масса «вообще», среди которой, по медленно-верному закону, происходит своим чередом впитывание очередной идеи. А наши действительные будущие... они, пожалуй, сейчас еще не подросли, еще учатся, читают и работают. Одно несомненно: когда *они* заговорят о своих новых мечтаниях, это не будет ни «новая мечта» г. Ковша о «включении мира в свое эго», ни надежда г. Ястребова на «грядущую личность гения», ни — тем более! — желание «превратить жизнь в грезю-фарс». Им в голову не придет трусить перед «стадностью»: слишком безвозвратно она побеждена. С ней они и не столкнутся. А вот с „индивидуализмом“, т.е. с идеей "личности", самое себя кончающей, будет в свое время борьба, и о новом, не „стадном“ только, но корнями уходящем в историю, человеческом общении, единении, эти поистине молодые, может быть, что-нибудь и скажут.

Антон Крайний.